

Сердечно приветствую Вас.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Было бы, например, большим спасением есть лук и чеснок. Но фунт чесноку стоит 100 фр<анков>, лук тоже!

¹ V e r a W i s a n d e r (1885—1977) — жена Карла-Августа Викандера (1887—1952), крупного промышленника, владельца Hapsund'a, до революции жившего в России («Пробки Викандера»).

² V e r a S a g e r (урожд. Бриннер; 1895—1988) — дочь русского дипломата в Стокгольме (родственница кинозвезды Юла Бриннера), жена шведского дипломата Leo Sager'a.

³ Бунин неверно указал адрес, надо: Sturegatan.

9.

21 февраля 1942 г., Грасс

En russe

21 февр. 1942 г.

Villa Jeannette, Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

Дорогой Сергей Анатольевич, получил за последнее время три Ваших письма — от 24 янв<аря>, 30 янв<аря> и 5 февр<аля>. Простите, что отвечаю не сразу — трудно было (и есть) взяться за перо: во-первых, без топки в доме так дьявольски холодно (особенно последний месяц, когда у нас даже при солнце не тает снег, очень нередкий гость в нынешнем году), что весь день сидишь в меховых (еще из России привезенных) перчатках, а у меня и без того стала леденеть, мертветь и кипеть мурашками правая рука (от задержки кровообращения, по причине такой гнусной и нищей пищи, которой даже и сам св. Антоний¹ не знал), во-вторых, от этой же пищи, начинаю терять всякую волю и решимость сесть за письменный стол, — все больше лежу, как лежат теперь у нас очень, очень многие — и слабею зрением, — в России эта голодная болезнь называется «куриной слепотой», а в-третьих — новая беда: уже совсем на нет сошла моя несчастная Вера Николаевна от жесточайшего малокровия да вдобавок еще тяжело заболела с месяц тому назад спазмами в желудке, и вот пошли врачи, всякие исследования, просвечивания — и мои новые горести, страхи, хлопоты... Что у нее, еще неизвестно, сейчас она в Ницце (куда и я поеду послезавтра), я отвез ее на новые врачебные испытания, пока же врачи предполагают язву в желудке: вероятно, отравилась теми истинно страшными даже на вид ржавыми и закостеневшими в морской соли рыбками, что мы иногда покупаем как некоторое острое дополнение к гнилым «земляным грушам»², коими мы почти исключительно питаемся за последнее время, иногда просто вареными в голой воде, иногда же поджаренными на какой-то сальной мерзости, называемой вежеталином, каковой вежеталин и эти «груши» добываются у нас теперь уже по записям, по карточкам и в бесконечном стоянии в очередях с пяти, с шести часов утра: Ривьера теперь — унылая пустыня, оживляемая только оазисами отелей, кафе и ресторанов для богатых людей, которые тайком и мясо, и макаронны едят, и папиросы курят, платя за 20 штук «Carpogal ordinaire»³ 60 и 70 франков, ибо законно выдается нам на 10 дней всего 40 штук этого черного горлодера, прежде продававшегося в табачных лавках за 2 франка пакет — в эти 20 штук, — вот еще одно тяжкое мучение для меня: не могу писать без куренья, всю жизнь писал с папиросой в руках, а вот теперь даже «Капораля» нет, ибо ведь это издевательство над курильщиком — 4 папиросы в сутки, — равно как и над пьющими вино, — а кто во Франции не пил вина буквально с колыбели? — получающими теперь один литр ординера⁴ на неделю (хотя еще имеющими возможность, — если угодно, — находить кое-где, иногда, как редкость, вино с ярлыком, — например, бордо или бургонское, прежде продававшееся за 5 франков бутылка, а теперь 60, 80, 100). Повторяю: Вы вообще не можете себе представить нашу жизнь, да и я сам испытываю в первый раз за все свое земное существование (и еще до сих пор с великим удивлением), как же это